

Анатолий Шигапов

Дети купола 3.0.

ЯНТАРНЫЙ КУПОЛ

Анатолий Шигапов

Дети купола 3.0.

«Автор»

2026

Шигапов А.

Дети купола 3.0. / А. Шигапов — «Автор»,
2026 — (ЯНТАРНЫЙ КУПОЛ)

Мир изменился. Купол пал, но оставил после себя не только руины и мутантов. Он оставил детей. Тех, кто родился или выжил под его золотым сиянием. Они не такие, как все - они чувствуют артефакты, видят опасность, слышат друг друга на расстоянии. Их называют «детьми купола», и они - ключ к будущему. Третья книга серии - история о надежде, которая рождается в самое темное время. О том, как русские, литовцы, армяне и татары становятся одной семьей у общего костра. И о том, что даже в мире после катастрофы есть место любви. Сумеют ли герои спасти детей и дать отпор врагу, за которым стоит целая корпоративная машина?

© Шигапов А., 2026

© Автор, 2026

Анатолий Шигапов

Дети купола 3.0.

Посвящается
Нашему поколению. Детям.

Дорогой читатель!

Если ты открыл эту книгу, значит, мы уже знакомы. Ты прошёл со мной и моими героями через две предыдущие части этой долгой истории. Ты видел, как рушился старый мир и как из его обломков, вопреки всему, прорастала новая жизнь. Ты был рядом, когда падал купол, когда находили первые артефакты, когда вчерашние враги становились братьями по оружию. Спасибо тебе за это. Без тебя, без твоего внимания и сопереживания эти герои так и остались бы просто буквами на бумаге.

Когда я задумывал эту серию – а будет их, как ты уже знаешь, восемь, – я не представлял, насколько трудным и одновременно радостным окажется этот путь. Каждая книга словно проживалась мной заново. Я вставал на рассвете вместе с Алисой, мёрз в подземельях вместе с Русланом, боялся и надеялся вместе с Мартинасом. И к третьей книге эти люди стали для меня почти семьёй.

Третья часть – особенная. Если первые две были историей выживания и становления, то здесь на первый план выходит то, ради чего, собственно, всё затевалось – дети. Дети купола, не такие, как все, наделённые даром, который может стать либо спасением, либо проклятием. Наверное, это самая светлая книга из всех, что я написал. Несмотря на войну, на бандитов, на постоянную угрозу, в ней много солнца, моря и надежды. Лето на Куршской косе, детский смех, единение людей разных национальностей – это то, что давало мне силы, когда текст не слушался, когда сюжет заводил в тупик, когда казалось, что ничего не получается.

Я очень люблю сцену праздника в четырнадцатой главе. Там, у костра, собрались все – русские и литовцы, армяне и татары, поляки и евреи. Они поют свои песни, танцуют, угощают друг друга. В этом для меня и заключается главный ответ на вопрос «как жить дальше». Вместе. Несмотря ни на что.

Отдельно хочу сказать о Йонасе. Этот персонаж появился не сразу, он словно постучался в дверь и сказал: «Пустите, я ваш». И оказался прав. Его отношения с Алисой – это, наверное, самое тёплое, что я писал в этой серии. Не слащавое, нет, а живое, настоящее, со страхами и сомнениями, но с огромной нежностью. В мире после катастрофы любовь не исчезает. Она становится ещё ценнее.

Боровский и натовцы... С ними всё сложнее. В этой книге они не просто «враги», они – система, пытающаяся подмять под себя новый мир. Их противостояние с лагерем Зорина – это не только борьба за ресурсы или артефакты. Это борьба двух мировоззрений: мира, где люди – товар, и мира, где люди – семья. Думаю, исход этой борьбы для читателя очевиден. Но не быстр.

Я много раз получал письма с вопросами: «А будет ли хеппи-энд?» Друзья мои, жизнь – не сказка. Но в этой жизни, даже самой тёмной, всегда есть место свету. И если вы дочитаете до конца, вы поймёте, о чём я.

Эта книга, как и предыдущие, посвящается Куршской косе. Месту, которое стало для меня вторым домом. Его дюны, сосны, закаты над морем – всё это дышит на этих страницах. Я надеюсь, когда-нибудь вы приедете туда и увидите это своими глазами. И, возможно, вспомните Алису, Мартинаса, Йонаса, Зорина... Они там, среди ветра и сосен, они ждут вас.

А теперь – закрой глаза. Представь море, песок, смех детей. И шагни в эту историю. Ты уже часть её.

С уважением и благодарностью,

Анатолий Шигапов

P.S. Впереди ещё пять книг. Путь долгий, но, обещаю, он стоит того.

Глава 1. Весенний ветер

Апрель 2028 года выдался ранним и тёплым. Снег сошёл ещё в марте, и теперь земля, освободившись от ледяного плена, дышала паром, покрывалась первой зеленью и радовала глаз теми красками, которые люди почти забыли за долгие месяцы, проведённые под золотым куполом. Даже после его падения прошло уже несколько месяцев, но ощущение свободы всё ещё не приелось – каждый раз, глядя на настоящее небо, Алиса ловила себя на мысли, что это чудо.

Куршская коса встречала весну птичьим гамом и шумом моря. Узкая полоса суши, отделяющая Куршский залив от Балтийского моря, тянулась на десятки километров, поросшая соснами и дюнами. Дорога, ведущая к литовской границе, была разбита, но для пешего хода вполне проходима.

Группа вышла затемно. Руслан вёл отряд по знакомым тропам, обходя опасные места. С ним были Алиса, Марат, Ковальский и ещё пятеро сталкеров – Ваге, Ильяс, двое молодых парней, уже проверенных в деле, и Толян, который окончательно оправился после ранения и рвался в бой.

– Красота-то какая, – восхищённо сказал Ваге, глядя на море, искрящееся в лучах восходящего солнца. – Я и забыл, как оно пахнет.

– Море всегда пахнет свободой, – отозвался Ковальский, шагавший чуть позади. – Помню, в детстве мы с отцом часто ездили на Балтику. Польское побережье, но здесь похоже.

– Теперь и мы поедem, – улыбнулась Алиса. – Если выживем.

– Выживем, – твёрдо сказал Руслан. – Нам не привыкать.

Группа двигалась быстро, несмотря на тяжёлые рюкзаки. Опыт предыдущих экспедиций научил их ценить каждый час светлого времени. К полудню они прошли около двадцати километров и остановились на привал у подножия огромной дюны, поросшей редкими соснами.

– Здесь когда-то были туристические тропы, – сказал Ковальский, разворачивая карту. – Вон там, за дюной, должен быть посёлок Морское. Если верить документам, где-то рядом с ним и находится вход в подземелья.

– Значит, к вечеру будем на месте, – подытожил Руслан. – Отдыхаем час и идём дальше.

Алиса присела на ствол поваленного дерева, достала флягу с водой. Рядом пристроился Ваге, молча жуя сухарь. Тишина нарушалась только криками чаек и шумом прибоя.

– Слушай, – вдруг сказал он, – а ты не боишься? Ну, вообще?

– Чего именно? – спросила она.

– Всего. Того, что опять придётся воевать, видеть смерть, рисковать.

– Боюсь, – честно ответила Алиса. – Но если не мы, то кто? Там, под землёй, может быть то, что снова накроет всё куполом. Или что похуже.

– Да, понимаю. Просто... иногда думаю: а стоило ли выживать, чтобы опять лезть в пекло?

– А что, лучше было остаться там? – она кивнула в сторону, откуда они пришли. – В подвале, с голодом и страхом?

– Нет, наверное. – Ваге вздохнул. – Просто устал я, Алиса. Все эти годы войны, потерь...

– Я тоже устала. Но усталость проходит, а дело остаётся.

Руслан подал сигнал, и группа снова двинулась в путь.

К вечеру они вышли к развалинам посёлка Морское. Когда-то здесь был уютный курортный посёлок с домиками в немецком стиле, но теперь от него остались только обгоревшие остовы и груды кирпича. Война не пощадила и это место.

– Ночуем здесь, – решил Руслан, указывая на полуразрушенное здание с уцелевшей крышей. – Выставляем посты, остальные отдыхают. Завтра начнём поиски.

Алиса помогла развести костёр, вскипятить воду. Ваге притащил охапку сухих веток. Ковальский разложил карты и при свете фонаря изучал местность.

– Похоже, вход должен быть где-то на склоне той дюны, – сказал он, показывая на огромный песчаный холм. – Там, судя по старым схемам, была штольня.

– Завтра проверим, – кивнул Руслан.

Ночь прошла спокойно. Только один раз вдалеке послышался странный вой, но он быстро стих. Утром, чуть свет, они приступили к поискам.

Утро на косе встретило группу густым туманом, поднявшимся от моря. Белая пелена окутала дюны, деревья и развалины, сделав мир зыбким и призрачным. Видимость не превышала десяти метров, и Руслан принял решение задержаться до прояснения.

– В такую погоду легко заблудиться, – пояснил он. – Да и твари, если они здесь есть, тоже ничего не видят, но могут учуять. Лучше переждать.

Алиса сидела на камне, глядя, как туман клубится над землёй. Было в этом зрелище что-то завораживающее и одновременно тревожное. Казалось, что за белой стеной скрывается нечто, готовое вырваться наружу.

– Не нравится мне это, – сказал Ваге, присаживаясь рядом. – Слишком тихо.

– Тишина – хороший знак, – отозвался Ковальский, который возился с приборами. – Значит, крупных мутантов поблизости нет.

– Или они затаились, – буркнул Марат.

Руслан тем временем изучал карту, сверяясь с компасом. Туман мешал ориентироваться, но примерное направление он держал в голове.

– Когда рассеется, пойдём вдоль подножия дюны, – сказал он. – По всем приметам, вход должен быть где-то в трёхстах метрах отсюда.

Ждать пришлось около двух часов. Солнце постепенно разгоняло туман, и когда белая пелена наконец рассеялась, перед ними открылся величественный вид на дюну – огромную, поросшую редкими соснами, с песчаными осыпями на склонах.

– Вон там, – указал Ковальский, вглядываясь в бинокль. – Видите тёмное пятно у подножия? Похоже на вход.

Группа двинулась к указанному месту. Подойдя ближе, они действительно обнаружили проём – когда-то это был укреплённый бетоном вход, но теперь часть конструкции обрушилась, оставив узкий лаз.

– Похоже на штольню, – определил Руслан. – Немцы строили основательно. Бетон, арматура.

– Внутри может быть опасно, – предупредил Марат. – Газ, обвалы...

– Проверим, – решил Руслан. – Ильяс, Ваге, со мной. Остальные снаружи, прикрываете.

Алиса хотела возразить, но промолчала – понимала, что медик может пригодиться и снаружи.

Руслан, Ильяс и Ваге, включив фонари, полезли в лаз. Остальные замерли в ожидании. Алиса сжимала наган, прислушиваясь к каждому звуку.

Прошло около пятнадцати минут, показавшихся вечностью. Наконец из лаза показался Ваге:

– Там зал. Пусто, но есть ещё ходы. Руслан зовёт всех – нужно осмотреть.

Группа двинулась внутрь. За лазом открылся просторный зал, явно рукотворного происхождения – бетонные стены, высокий потолок, ржавые металлические конструкции. Вдоль стен стояли стеллажи, частью обрушенные, но кое-где сохранившие какие-то ящики и приборы.

– Это не просто склад, – определил Ковальский, осматриваясь. – Это лаборатория. Смотрите, вон там столы, оборудование.

– Работает? – спросил Марат.

– Вряд ли. Но документы могли сохраниться.

Они рассредоточились по залу. Алиса подошла к одному из столов. На нём лежали пожелтевшие бумаги, какие-то схемы, даже фотографии. Она взяла одну – на ней был запечатлён странный предмет, напоминающий большую янтарную слезу.

– Профессор, – позвала она. – Взгляните.

Рабинович подошёл, взял фотографию, долго рассматривал.

– Это же... это может быть тот самый артефакт, который упоминался в документах. «Янтарная слеза» – устройство, нейтрализующее поле.

– Значит, мы на верном пути, – подытожил Руслан.

Внезапно где-то в глубине подземелья раздался звук – глухой, тяжёлый вздох, будто проснулось огромное существо. Все замерли.

– Что это? – прошептал Ваге.

– Не знаю, – ответил Руслан. – Но лучше нам уходить. Заберём документы и фото, остальное оставим.

Они спешно собрали всё, что казалось ценным, и двинулись к выходу. Когда последний выбрался наружу, из глубины донёсся уже не вздох, а рёв, полный ярости.

– Бегом! – закричал Руслан.

Группа бросилась прочь от входа. Когда они отбежали на безопасное расстояние и оглянулись, из лаза показалось нечто огромное, тёмное, с множеством конечностей. Оно выползло наружу, постояло, словно принюхиваясь, и снова скрылось в подземелье.

– Что это было? – выдохнула Алиса.

– Хранитель, – ответил Рабинович, тяжело дыша. – В документах упоминалось, что немцы создали биологических стражей для охраны особо важных объектов. Видимо, этот экземпляр сохранился.

– Значит, нам туда не попасть, – разочарованно сказал Марат.

– Попадём, – твёрдо ответил Руслан. – Но подготовимся лучше. С оружием, гранатами. А пока – уходим. Надо найти безопасное место для ночлега и изучить документы.

Группа отошла от опасного места на добрый километр, прежде чем Руслан решил, что можно остановиться. За это время они пересекли несколько дюн, углубились в лес и наконец наткнулись на небольшой овраг, поросший густым кустарником. Здесь можно было укрыться от посторонних глаз и перевести дух.

Алиса тяжело дышала, прислонившись к стволу сосны. Ноги гудели, сердце колотилось где-то в горле. Рядом так же тяжело дышал Ваге, но, как всегда, старался держаться бодряком.

– Ничего себе экскурсия, – выдохнул он, вытирая пот со лба. – Я думал, мы только посмотрим, а тут сразу монстры.

– Это не монстр, – поправил Рабинович, доставая из рюкзака приборы. – Это биологический организм, созданный искусственно. Судя по его размерам и реакции, он находился в анабиозе, а мы его разбудили.

– Чем? – спросил Марат.

– Возможно, светом, шумом, или просто нашим присутствием. Такие создания часто реагируют на тепло и движение.

Руслан разложил на пне документы, которые удалось захватить. Ковальский подсел ближе, начал переводить.

– Это отчёты о создании так называемого «Стража». Здесь описаны эксперименты поживлению контрольных имплантов в мозг животных. Немцы пытались создать киборгов для охраны объектов.

– Киборгов? – переспросил Ваге.

– Да. Сочетание биологической ткани и механических частей. То, что мы видели, вполне могло быть таким созданием.

– И оно до сих пор живо? – ужаснулась Алиса.

– В том-то и дело, что эти организмы обладают повышенной живучестью. Они могут впадать в спячку на десятилетия, а потом просыпаться.

– Значит, нам туда не сунуться, – сделал вывод Марат.

– Не сейчас. Но мы должны найти другой вход или способ нейтрализовать стража. В документах может быть информация о его уязвимых местах.

Ковальский продолжил листать бумаги, и вдруг его лицо просветлело:

– Здесь есть схема подземелья! Смотрите: основной зал, лаборатории, складские помещения, и вот здесь – запасной выход. Он находится с другой стороны дюны, ближе к заливу.

– Значит, можно попробовать зайти с другой стороны, – оживился Руслан.

– Но для этого нужно обойти дюну, а там открытое пространство. Страж может нас заметить.

– Значит, будем действовать ночью. И быстро.

Пока обсуждали план, Алиса заметила вдалеке, на склоне соседней дюны, какое-то движение. Она прищурилась, вглядываясь. Там, среди редких сосен, мелькнула человеческая фигура. Не одна – несколько.

– Там люди! – тихо сказала она, показывая рукой.

Все мгновенно насторожились, схватились за оружие. Руслан поднёс бинокль к глазам:

– Похоже на гражданских. Женщины, дети... и мужчины с ружьями.

– Местные? – спросил Марат.

– Или беженцы. В любом случае, нам нужно установить контакт. Если они здесь живут, могут знать проходы лучше нас.

– А если это люди Боровского? – усомнился Ваге.

– Не похожи. Слишком оборванные, да и оружие охотничье.

Руслан принял решение:

– Идём к ним. Осторожно, с поднятыми руками. Не пугать.

Группа двинулась в сторону замеченных людей. Когда приблизились на расстояние голоса, Руслан крикнул:

– Эй! Мы свои! Из Калининграда! Не стреляйте!

Из-за деревьев вышли несколько человек – мужчины с ружьями наперевес, но в глаза бросалось не это. Сзади, прижимаясь к матери, стоял мальчик лет восьми с очень странными глазами – большими, тёмными, немигающими. Он смотрел прямо на Алису, и от этого взгляда по спине пробежал холодок.

– Кто вы? – спросил старший из мужчин, седой литовец с суровым лицом.

– Мы сталкеры. Ищем вход в подземелье. А вы?

– Мы беженцы. Из Литвы. Здесь прячемся от тварей.

– Давно?

– С самого начала. Как купол упал, так и живём. Там, внизу, у залива, у нас лагерь.

Руслан опустил автомат:

– Мы не враги. У нас есть еда, медикаменты. Можем поделиться, если пустите.

Литовцы переглянулись, потом старший кивнул:

– Ладно, идёте. Только без глупостей.

Алиса не могла оторвать взгляда от мальчика. Тот по-прежнему смотрел на неё, и вдруг улыбнулся – странно, будто знал её всю жизнь.

– Тебя как зовут? – спросила она.

– Мартинас, – ответил он тихо, но отчётливо. – А ты – Алиса. Я знаю.

– Откуда? – опешила она.

– Я чувствую. Ты добрая.

Мать мальчика, испуганная женщина лет тридцати, прижала сына к себе:

– Не обращайтесь внимания. Он у нас особенный. После катастрофы стал видеть то, чего другие не видят.

– Видеть? – переспросил Рабинович, заинтересовавшись.

– Чувствовать. Артефакты, тварей, опасность. Мы поэтому и выжили – он всегда предупреждает.

Учёный переглянулся с Ковальским. Это могло быть ключом.

– Нам нужно поговорить, – сказал Рабинович. – Это очень важно.

Глава 2. Литовские беженцы

Лагерь литовских беженцев расположился в естественной впадине между дюнами, защищённой от ветров и посторонних глаз. Несколько десятков палаток, сшитых из чего попало – брезента, старых одеял, полиэтиленовой плёнки, – теснились вокруг небольшого костра, над которым висел закопчённый котелок. Пахло ухой и дымом. Люди – в основном женщины, дети и старики – смотрели на вошедших с настороженностью, но без враждебности. Слишком уставшие, чтобы бояться, слишком измученные, чтобы проявлять агрессию.

– Проходите, садитесь, – пригласил старший, представившийся Витасом. – Еды у нас немного, но ухой поделимся.

– Спасибо, – ответил Руслан, опускаясь на бревно у костра. – У нас есть свои запасы, мы не в претензии.

Алиса села чуть поодаль, но мальчик Мартинас, отпустив материнскую руку, подошёл к ней и уселся рядом, словно так и надо. Женщина вздохнула, но ничего не сказала – видимо, привыкла к странностям сына.

– Ты правда меня чувствуешь? – тихо спросила Алиса, глядя в его необычные глаза.

– Да, – просто ответил мальчик. – Ты светишься. Не так, как другие. Ты чистая.

– Чистая? – переспросила она, не понимая.

– В тебе нет тьмы. А в других есть. – Он покосился на Ваге, который как раз подходил с фляжкой. – В нём тоже нет. Он хороший.

Ваге ухмыльнулся, присаживаясь рядом:

– Спасибо, пацан. Хороший – это комплимент.

Рабинович, не теряя времени, уже расспрашивал Витаса:

– Как вы сюда попали? Сколько вас?

– Нас было больше, – вздохнул старик. – Сначала около сотни. Шли из-под Клайпеды, через леса, болота. Многие погибли – от тварей, от голода, от болезней. Теперь нас тридцать семь. Женщины, дети, несколько стариков. Мужчин почти не осталось – все погибли, прикрывая отход.

– И давно вы здесь?

– С осени. Как купол пал, мы думали, можно вернуться домой. Но там всё разрушено, твари бродят. Решили переждать здесь, на косе. Рыба есть, вода есть. Тяжело, но жить можно.

– А твари сюда не заходят?

– Редко. Мартинас чувствует их заранее, мы успеваем спрятаться. Он у нас как маяк.

Рабинович с интересом посмотрел на мальчика:

– Можно я его осмотрю? Я учёный, физик. Изучаю влияние купола на людей.

Витас переглянулся с матерью Мартинаса, которую звали Раса. Та неуверенно кивнула.
– Только недолго, – сказала она. – Он устаёт от чужих.

Рабинович подошёл к мальчику, присел на корточки:

– Мартинас, ты не бойся. Я просто посмотрю. Можно?

Мальчик кивнул. Профессор достал небольшой прибор, похожий на дозиметр, поводит им вокруг головы мальчика. Прибор запищал, замигал.

– Невероятно, – прошептал он. – Его мозг излучает электромагнитные волны особой частоты. Они совпадают с частотой, на которой работал купол!

– То есть он... резонирует? – спросил Ковальский.

– Именно. Он настроен на ту же волну. Поэтому и чувствует артефакты – они тоже излучают на этой частоте.

– А почему он не мутировал? – спросила Алиса.

– Потому что его организм, видимо, адаптировался. Вместо того чтобы разрушаться, он научился использовать это излучение. Это уникальный случай!

Мартинас слушал этот разговор, не проявляя особых эмоций. Потом вдруг сказал:

– Там, – он показал рукой в сторону моря, – есть что-то большое. Оно светится. Очень ярко.

– Где? – насторожился Руслан.

– В той стороне. – Мальчик указал направление – примерно туда, где они нашли подземелье со Стражем. – Оно там, глубоко. И оно злое.

– Он чувствует артефакт, – догадался Рабинович. – И, возможно, самого Стража.

– Значит, мы на верном пути, – подытожил Руслан. – Нам нужно туда.

– Не ходите, – вдруг сказал Мартинас, глядя прямо на него. – Там смерть.

Руслан усмехнулся:

– Нам не привыкать, парень. Мы за этим пришли.

Мать Мартинаса, Раса, подсела к Алисе. Разговорились. Выяснилось, что её муж погиб в первые дни, когда они пробирались через границу. Она осталась одна с сыном и теперь благодарна Витасу и другим за то, что приняли их.

– Он всегда был особенным, – говорила она об Алисе. – Ещё до катастрофы. Врачи говорили – аутизм, замкнутость. А после... он стал видеть то, чего не видят другие. Сначала мы боялись, думали, это болезнь. А потом поняли – это дар.

– Дар, – повторила Алиса. – Может, он нам поможет.

– Поможет, если вы не причините ему зла.

– Мы не причиним. Обещаю.

Вечером, когда стемнело, все собрались у костра. Литовцы пели свои песни – грустные, протяжные, о море, о доме, о погибших. Сталкеры слушали молча, каждый думал о своём. Алиса сидела рядом с Мартинасом, который задремал, положив голову ей на колени. Тихо потрескивали дрова, пахло дымом и ночным морем.

– Знаешь, – тихо сказал Ваге, – я иногда думаю: а зачем всё это? Зачем мы воюем, рискуем? Посмотри на них – простые люди, хотят жить, растить детей. А мы... мы опять лезем в пекло.

– Чтобы они могли жить, – ответила Алиса. – Чтобы такие дети, как Мартинас, видели не только войну, но и мир.

Ваге вздохнул и ничего не ответил.

Утро в лагере литовцев началось с привычной суеты. Рыбаки ушли к заливу ставить сети, женщины хлопотали у костров, дети играли в догонялки на песке. Но для Алисы и её спутников этот день стал днём открытий.

Рабинович, едва продрав глаза, снова подошёл к Мартинасу с приборами. Мальчик сидел на бревне, грыз сухарь и с любопытством наблюдал за действиями профессора. Рядом стояла Раса, мать, с тревогой в глазах.

– Не бойтесь, – успокоил её Рабинович. – Я просто хочу записать показатели. Это не больно.

Он приложил к голове мальчика несколько датчиков, подключённых к портативному осциллографу. На экране побежали волны.

– Невероятно, – повторял профессор. – Альфа-ритм, бета-ритм, но наложенные на несущую частоту, совпадающую с частотой купола. Это же настоящий приёмник!

– Он что, радио? – усмехнулся Ваге, подошедший поближе.

– В некотором роде. Его мозг способен улавливать электромагнитные колебания, недоступные обычным людям. Поэтому он и чувствует артефакты – те тоже излучают на этой частоте.

– А другие дети? – спросила Алиса, глядя на игравших малышей.

– Возможно, у них тоже есть способности, но не столь выраженные. Нужно обследовать всех.

Витас, старший группы, подошёл к ним:

– Вы учёные? Из Калининграда?

– Да, – ответил Ковальский. – Мы изучаем последствия катастрофы.

– А мы не хотим больше быть подопытными, – буркнул Витас. – Хватит с нас экспериментов.

– Мы не экспериментируем, – мягко сказал Рабинович. – Мы пытаемся понять, как помочь таким, как Мартинас. И как защитить всех нас от новых угроз.

Витас вздохнул, но спорить не стал.

Алиса присела на песок рядом с Расой. Та вязала какой-то свитер из старых ниток, распущенных, видимо, из чего-то.

– Тяжело вам здесь? – спросила Алиса.

– Тяжело, – призналась Раса. – Но мы привыкли. Главное – сыт и здоров. А там, – она кивнула в сторону материка, – там хуже. Там твари.

– А откуда вы родом?

– Из Клайпеды. Вернее, из посёлка под Клайпедой. Муж работал на рыбном заводе. Когда началось, мы спрятались в подвале. А когда вышли... всё было серое и мёртвое. И твари.

– А муж?

– Погиб. Прикрывал нас, когда пробирались через лес. – Раса смахнула слезу. – Мартинас это почувствовал за час до того. Сказал: «Папа уйдёт». Я не поверила, а он...

Алиса взяла её за руку:

– Мне очень жаль.

– Ничего. Главное – сын жив. И он необычный. Может, для чего-то это нужно.

Мартинас, закончивший с приборами, подбежал к ним и уткнулся матери в плечо. Раса обняла его.

– Мама, они хорошие, – сказал он, глядя на Алису. – Не бойся.

– Я не боюсь, сынок.

Вдруг мальчик насторожился, повернул голову в сторону залива:

– Там... что-то идёт. Плохое.

Все мгновенно напряглись. Руслан, дремавший в тени, вскочил:

– Где?

– Там, – Мартинас показал на дюны, за которыми скрывался залив. – Недалеко. Много.

– Твари? – спросил Марат.

– Да. Они идут сюда.

Руслан мгновенно отдал команду:

– Все в укрытие! Женщины и дети – в палатки! Мужчины – с оружием!

Лагерь пришёл в движение. Люди, привыкшие к таким тревогам, действовали быстро и слаженно. Алиса схватила наган, прикрывая Рас и Мартинаса. Мальчик, однако, не спешил прятаться – он стоял и смотрел в сторону дюн, словно видел то, что не видели другие.

– Мартинас, иди в палатку! – крикнула Раса.

– Нет, мама. Я должен видеть.

Твари появились из-за дюны минут через пять. Их было около десятка – водные, с длинными конечностями и горящими глазами. Они двигались быстро, перебирая лапами по песку.

– Огонь! – закричал Руслан.

Выстрелы грохотали, но твари, казалось, не чувствовали боли. Первая упала, сражённая автоматной очередью, но остальные продолжали наступать.

– Мартинас, отойди! – Алиса дёрнула мальчика за руку.

– Они идут туда, – спокойно сказал он, показывая на левый фланг, где укрытие было слабее. – Скажи своим.

Алиса передала Руслану. Тот перебросил часть бойцов на левый фланг как раз вовремя – твари пытались обойти.

Бой длился минут двадцать. Когда последняя тварь рухнула на песок, все повалились на землю от усталости. Алиса подбежала к Мартинасу:

– Ты цел?

– Цел, – улыбнулся мальчик. – Я же говорил, что нужен.

Раса, выскочившая из укрытия, прижала сына к себе и разрыдалась. Мартинас гладил её по голове и шептал что-то успокаивающее.

Руслан подошёл к ним:

– Этот парень спас нас. Если бы не его предупреждение...

– Да, – согласился Рабинович. – Его дар бесценен. Мы должны взять его с собой, когда пойдём к подземелью.

– Нет! – вскрикнула Раса. – Только не это!

– Мама, – твёрдо сказал Мартинас. – Я должен. Они без меня не справятся.

Спор вокруг Мартинаса разгорелся с новой силой. Раса рыдала, прижимая сына к себе, и не хотела слушать никаких доводов. К ней присоединились другие женщины, требовавшие не отдавать ребёнка «чужим». Мужчины, хоть и признавали, что мальчик спас их, тоже сомневались.

– Он всего лишь ребёнок, – говорил Витас, хмуро глядя на Руслана. – Вы хотите тащить его в самое пекло? Там, в подземелье, может быть хуже, чем здесь.

– Мы не тащим, – спокойно отвечал Руслан. – Он сам вызывается. И его дар действительно может спасти нам жизнь.

– А если он погибнет?

– Тогда мы все погибнем. Но без него шансов ещё меньше.

Мартинас, видя эти споры, подошёл к матери, взял её за руку:

– Мама, я должен. Я чувствую – там что-то важное. Оно ждёт меня. И если я не пойду, случится беда. Большая беда.

Раса смотрела в его глаза – странные, не по-детски серьёзные, и понимала, что спорить бесполезно. Этот мальчик всегда был особенным, всегда знал то, чего не знали другие. И если он говорит, что должен идти, значит, так надо.

– Хорошо, – выдохнула она. – Иди. Но вернись. Обещай мне.

– Обещаю, мама.

Она обняла его крепко-крепко, и Мартинас, хоть и был мал, обнял её в ответ с какой-то взрослой нежностью.

Алиса, наблюдавшая эту сцену, почувствовала, как комок подступил к горлу. Она вспомнила своего отца, его последние объятия, его обещание вернуться. Он не вернулся. Но этот мальчик должен вернуться. Обязательно.

– Я присмотрю за ним, – сказала она, подходя к Расе. – Обещаю.

Раса взглянула на неё с благодарностью и болью:

– Береги его.

– Буду.

Сборы были недолгими. Мартинас взял свой маленький рюкзачок, мать сунула ему краюху хлеба и флягу с водой. Остальные беженцы, кто крестил, кто просто махал рукой, провожали странного мальчика, идущего в самое сердце тьмы.

Группа выдвинулась в сторону дюны. Руслан вёл отряд, то и дело поглядывая на Мартинаса, который шёл рядом с Алисой, держа её за руку. Мальчик ступал уверенно, будто знал эту дорогу с рождения.

– Ты не боишься? – спросила Алиса, когда они начали подниматься на дюну.

– Нет, – просто ответил Мартинас. – Я чувствую, что там. Оно не злое. Оно просто ждёт.

– Кто ждёт?

– Не знаю. Что-то старое. Очень старое. Оно хочет, чтобы его нашли.

Рабинович, шедший позади, услышал это и нахмурился:

– О чём это он?

– Говорит, что в подземелье что-то ждёт, – пояснила Алиса.

– Надо быть осторожнее. Вдруг это ловушка?

– Он говорит, не злое.

– Мальчик может ошибаться.

– А если нет?

Спор прервал Руслан:

– Скоро будем на месте. Вон вход.

Впереди, у подножия дюны, чернел провал – тот самый лаз, откуда накануне вылез Страж. Сейчас вокруг было тихо, ни звука, ни движения.

– Может, он спит? – предположил Ваге.

– Или ушёл, – сказал Ильяс.

– Проверим, – решил Руслан. – Мартинас, ты чувствуешь его?

Мальчик закрыл глаза, прислушался к чему-то внутри себя, потом открыл:

– Он там. Глубоко. Спит. Но проснётся, если мы войдём.

– Есть другой путь?

– Есть. Запасной. Я покажу.

Мартинас повёл их вдоль подножия дюны, то и дело останавливаясь и прислушиваясь. Через полчаса он указал на небольшую расщелину, почти скрытую кустарником:

– Здесь. Оттуда можно пройти в боковой тоннель. Страж его не охраняет.

– Откуда ты знаешь? – удивился Марат.

– Я вижу, – просто ответил мальчик.

Пролезть в расщелину пришлось по одному. За ней открылся узкий, но высокий коридор, выложенный камнем. Воздух здесь был затхлым, но терпимым. Фонари выхватывали из темноты стены, покрытые странными символами – похоже на руны.

– Это не немцы строили, – определил Ковальский, разглядывая знаки. – Это гораздо древнее. Возможно, средневековые или даже раньше.

– Здесь кто-то жил, – добавил Рабинович, указывая на остатки деревянных конструкций.

Коридор вёл вниз, постепенно расширяясь. Мартинас уверенно шёл вперёд, и Алиса не отпускала его руки. Наконец они вышли в большой зал, освещённый странным голубоватым светом, исходившим откуда-то сверху.

В центре зала стоял алтарь – грубо вытесанный камень, на котором лежало нечто, напоминающее большую янтарную слезу. Она пульсировала мягким золотым светом, и от неё исходило тепло.

– Это оно, – прошептал Рабинович. – «Янтарная слеза». Артефакт, нейтрализующий поле.

– Оно ждало нас, – сказал Мартинас. – Теперь мы можем идти.

Но едва он сделал шаг к алтарю, как сзади раздался рёв. Страж проснулся.

Глава 3. Конфликт

В Калининград группа вернулась через три дня. Весеннее солнце уже вовсю припекало, снег сошёл окончательно, и город, ещё недавно укутанный в белое, теперь стоял мокрый, грязный, но живой. Из развалин выползали люди, разбирали завалы, чинили крыши. Кое-где даже появились первые огороды – на пустырях, во дворах, везде, где можно было вскопать землю.

Но настроение в городе было далеко не радужным. Слухи о том, что на косе обнаружены литовские беженцы, обогнали отряд и достигли Калининграда раньше. И вызвали они бурю эмоций.

На базе Зорина Алису встретили тепло, но она сразу почувствовала напряжение. Марат, встречавший их у ворот, выглядел озабоченным.

– Что случилось? – спросила она.

– Горелов собирает совет. Люди недовольны. Узнали про литовцев, многие против того, чтобы пускать их в город.

– Почему? – удивилась Алиса. – Они же такие же выжившие, как мы.

– Говорят, у нас самих еды мало, а тут ещё рты прибавляются. И потом... – Марат понизил голос. – Национальный вопрос. Есть такие, кто кричит, что литовцы – не наши, что они с НАТО были, что их предки...

– Это же глупость! – возмутилась Алиса. – Сейчас не время для таких разговоров.

– Глупость, да. Но люди боятся, а страх рождает злость.

Зорин, вышедший навстречу, обнял Алису и кивнул на её рассказ:

– Пойдём, переоденься. Через час совет в штабе. Твоё присутствие нужно.

В штабе Горелова было шумно. В большой комнате, где обычно проходили совещания, собрались представители всех общин: армяне во главе с Тер-Петросом, татары с Рашид-хазратом, литовцы с Йонасом, поляки с паном Збигневом, евреи с Марком Гольдштейном, русские – Горелов, Зорин, Марат, несколько военных и старейшин. Алиса скромно примостилась в уголке.

– Итак, – начал Горелов, когда шум немного стих, – вы знаете, зачем мы собрались. Наши сталкеры обнаружили на Куршской косе группу литовских беженцев. Тридцать семь человек, из них двенадцать детей. Они просят убежища в Калининграде.

– А мы должны их принять? – выкрикнул кто-то из русских. – У нас самих жрать нечего!

– Тише, – осадил его Горелов. – Дайте высказаться всем.

Поднялся пожилой русский мужик, представитель одного из районов:

– Я не против помочь, но у нас запасов до лета еле-еле. Если ещё три десятка ртов прибавится – не дотянем.

– А если бы мы были на их месте? – возразил Йонас, литовец. – Они наши соседи, такие же люди.

– Соседи? – усмехнулся другой русский. – А чего они раньше молчали, когда их политики против России выступали?

– Политики – это одно, а простые люди – другое, – вмешался Тер-Петрос. – Церковь учит нас милосердию.

– Ислам тоже велит помогать нуждающимся, независимо от национальности, – поддержал Рашид-хазрат.

– Легко вам говорить, – не унимался русский. – У вас общины свои, запасы общие. А нам что, последнее отдавать?

Зорин, молчавший до этого, поднялся:

– Товарищи! Я был на косе. Я видел этих людей. Они не враги – они жертвы, как и мы. Их дома разрушены, близкие погибли. Они выживают в лесах, едят рыбу, которую ловят, и молятся, чтобы дожить до весны. Если мы откажем им, они погибнут.

– И что ты предлагаешь? – спросил русский.

– Я предлагаю принять их. Разместить на базе, в пустующих цехах. Кормить из общего котла, но с условием, что они будут работать, как и все. Мужчины помогут в обороне, женщины – по хозяйству. Детей отправим в школу, которую мы организовали.

– А если среди них шпионы Боровского? – подал голос кто-то.

– Мы проверили, – ответил Руслан. – Это простые люди. К тому же с ними мальчик, который обладает удивительными способностями – он чувствует артефакты и мутантов. Он может быть нам полезен.

Спор разгорелся с новой силой. Одни кричали, что надо помочь, другие – что не вытянут. Горелов дал высказаться всем, потом взял слово:

– Я выслушал вас. Понимаю тех, кто боится за свои запасы. Но поймите и другое: если мы сейчас откажем в помощи, мы перестанем быть людьми. Мы станем такими же, как Боровский, который думал только о себе. И потом, – он обвёл взглядом собравшихся, – эти люди – литовцы. Они помнят свои корни. Если мы примем их, они станут нашими друзьями навсегда. А друзья сейчас нужнее, чем враги.

Тишина повисла в комнате. Потом Тер-Петрос встал и перекрестился:

– Я благословляю это решение. Бог видит наши сердца.

– Я тоже поддерживаю, – поднялся Рашид-хазрат. – Аллах велит нам быть милосердными.

Йонас, пан Збигнев, Марк Гольдштейн – все встали, выражая согласие. Постепенно поднялись и остальные.

Горелов кивнул:

– Решено. Завтра же отправим группу, чтобы перевезти беженцев в город. А ты, – он посмотрел на Зорина, – готовь место на базе.

Решение совета было принято, но это не означало, что проблемы исчезли. Уже на следующий день, когда группа во главе с Русланом отправилась на косу за беженцами, в городе начали расползаться слухи. Кто-то пустил утку, что литовцы привезут с собой заразу, что они сами мутанты, что их дети прокляты. Страх и недоверие, накопленные за месяцы изоляции, искали выхода.

На базе Зорина кипела работа. Освобождали один из цехов, где раньше хранили стройматериалы, для размещения новых людей. Алиса вместе с женщинами готовила постели – старые матрасы, одеяла, подушки, собранные по всему городу. Мартинас и его мать должны были получить отдельный уголок.

– Не нравится мне это, – ворчал Петрович, сколачивая нары. – Люди злые. Как бы чего не вышло.

– А ты что, тоже против? – спросила Алиса.

– Я – нет. Я своё отвоевал, мне чужих не жалко. Но другие... они по-другому думают.

– Перебесятся, – уверенно сказал Марат. – Главное – чтобы Боровский не подлил масла в огонь.

Словно в подтверждение его слов, в ворота постучали. Прибежал запыхавшийся паренёк из города:

– Там на рынке! Люди собрались, кричат, что не пустят чужаков! Наших уже задели, армянина какого-то побили.

Зорин, услышав это, нахмурился:

– Марат, бери людей, езжайте. Разберитесь. Без крови.

Марат с группой бойцов убыл. Алиса хотела с ними, но Зорин остановил:

– Ты здесь нужнее. Готовь лазарет.

На рынке и впрямь было неспокойно. Собралась толпа человек в пятьдесят – в основном мужики, злые, голодные, готовые сорвать зло на ком угодно. В центре стоял окровавленный армянин, которого поддерживали свои. Увидев ополченцев, толпа зашумела громче.

– Чего встали? – заорал кто-то. – Пусть защищают наших, а не чужаков!

Марат вышел вперёд:

– Спокойно, мужики! Кто тут заварушку устроил?

– А ты сам посмотри! – выкрикнул детина с перекошенным лицом. – Они наших бьют, а вы молчите!

– Кто бьёт? Литовцы? Они ещё даже в город не вошли.

– Скоро войдут! А нам что, с голоду пухнуть, пока их кормить будем?

– Никто вас кормить не заставляет, – твёрдо сказал Марат. – Все будут работать. И они, и вы. А кто бузить будет – пойдёт вон из города, к Боровскому.

Угроза подействовала. Боровского боялись больше, чем литовцев. Толпа начала понемногу расходиться, но злые взгляды остались.

Марат подошёл к армянину:

– Жив?

– Жив, – сплюнул тот кровь. – Сволочи.

– Терпи. Скоро всё устаканится.

Вернувшись на базу, он доложил Зорину:

– Порядок пока, но ненадолго. Надо быстрее перевозить людей и ставить всех перед фактом.

– Уже едут, – ответил Зорин. – К вечеру будут.

К закату в ворота базы вошли усталые, измождённые люди. Тридцать семь человек, среди которых дети держались за руки матерей, старики опирались на палки, а мужчины несли скудный скарб. Впереди шёл Витас, а рядом с ним – Мартинас, который сразу отыскал глазами Алису.

– Мы пришли, – просто сказал мальчик.

Алиса подошла, взяла его за руку:

– Теперь вы дома.

Расселение прошло быстро. Люди, уставшие после долгого пути, почти не разговаривали, только жадно ели горячую кашу и пили чай. Детей уложили спать прямо в одежде, наспех постелив матрасы. Мартинас отказался от отдельного места – остался с матерью, но перед сном подошёл к Алисе:

– Ты не бойся, – сказал он. – Всё будет хорошо.

– Откуда ты знаешь? – улыбнулась она.

– Я чувствую. Тут много злых людей, но ты не злая. И твой дядя тоже. Вы защитите.

Алиса обняла его, и мальчик ушёл спать.

Ночью на базе было тихо. Но Зорин не спал – он сидел в своей бытовке, глядя в темноту. Завтра предстоял новый день, полный неизвестности. Но он знал одно: они сделали правильно.

Глава 4. Боровский против

Боровский сидел в своём убежище – старом бункере на окраине города, который когда-то был частью системы ПВО, а теперь служил штабом для его банды. Здесь было сыро, темно,

но безопасно. Стены из армированного бетона, несколько входов, запасы продовольствия и оружия. После побега из тюрьмы он залёг на дно, выжидая удобного момента.

– Шеф, – в помещение вошёл Шкаф, запыхавшийся после долгого пути. – Новости из города.

– Говори, – Боровский отложил карту, которую изучал.

– Литовцев привезли. Поселили на базе у Зорина. Люди недовольны, на рынке была драка, но ополчение разогнало.

Боровский усмехнулся:

– Отлично. Недовольство нам на руку. Люди всегда ищут, на кого свалить свои беды. А тут – чужаки, да ещё и литовцы. Самое то.

– Что будем делать?

– Для начала – пустить слух. Что литовцы принесли заразу, что они мутанты, что их дети опасны. Найми людей, заплати – пусть треплют языками. А там посмотрим, как Зорин и Горелов будут выкручиваться.

Шкаф кивнул и вышел. Боровский снова уставился в карту. Его планы рухнули, но он не сдавался. У него ещё были связи, были люди, было оружие. Нужно было только время.

На следующий день по городу поползли слухи. Кто-то шептал, что у литовских детей вместо глаз светящиеся шары, что они по ночам воют, как твари. Кто-то рассказывал, что беженцы принесли с собой чуму, от которой уже умерли трое ополченцев. Конечно, всё это было ложью, но люди, напуганные и голодные, верили.

На базе Зорина тоже стало беспокойно. Несколько бойцов, которые раньше не вызывали сомнений, вдруг начали выражать недовольство.

– Командир, – говорили они, – зачем нам эти литовцы? У них своя Литва есть, пусть туда и идут.

– Литва разрушена, – терпеливо объяснял Зорин. – Там твари и хаос. Они наши гости.

– Гости, которые жрут наш хлеб!

– А кто вчера рыбу ловил? Они. Кто сети чинил? Они. Они работают, как и все.

Но убедить скептиков было трудно.

Алиса проводила много времени с литовцами. Особенно с Мартинасом и его матерью. Мальчик быстро освоился, хотя по-прежнему был замкнут и говорил мало. Но когда он заговаривал, его слова заставляли задуматься.

– Ты грустишь, – сказал он однажды Алисе, когда они сидели у костра.

– Немного, – призналась она. – За людей грущу. Злые они.

– Они боятся. Страх делает злыми.

– А ты не боишься?

– Боюсь. Но я знаю, что вы защитите.

Алиса обняла его:

– Защитим. Обязательно.

Тем временем слухи добрались до рынка. На следующий день там снова собралась толпа, но теперь уже более агрессивная. Кто-то кричал, что нужно идти к базе Зорина и требовать выдачи литовцев. Кто-то предлагал сжечь их лагерь. Марат с ополченцами едва сдерживал натиск.

– Расходитесь! – кричал он. – Никто никого не выдаст!

– А ну пусти! – здоровенный мужик рванулся вперёд, и за ним двинулась толпа.

Началась потасовка. Полетели камни, палки. Ополченцы, пытаясь защитить порядок, были вынуждены применить силу. Несколько человек с обеих сторон получили травмы. Кое-как толпу разогнали, но осадок остался.

В штабе Горелова экстренно собрали совет.

– Положение серьёзное, – сказал Горелов. – Людей настраивают против литовцев. Кто-то явно работает на Боровского.

– Надо найти этих провокаторов, – предложил Егоров.

– Надо, но пока нет возможности. Люди верят слухам, а не фактам.

– А что, если показать им, что литовцы такие же, как мы? – вмешалась Алиса, которую взяли на совет как представителя медиков. – Устроить общий праздник, ярмарку, где они будут торговать своей рыбой, а наши – своим товаром. Пусть увидят, что они не враги.

– Идея хорошая, – задумался Горелов. – Но сейчас не до праздников.

– А когда будет до? Когда начнётся резня?

Горелов посмотрел на Зорина. Тот кивнул:

– Алиса права. Нужно гасить конфликт, пока он не разгорелся.

– Хорошо, – решил Горелов. – Через неделю устроим ярмарку. Пригласим всех. И литовцев, и наших. Пусть торгуют, общаются. А мы обеспечим безопасность.

Подготовка к ярмарке заняла несколько дней. Горелов лично курировал организацию, понимая, что от успеха этого мероприятия зависит очень многое. Если удастся переломить недоверие к литовцам, то конфликт угаснет сам собой. Если нет – город может погрузиться в междоусобицу, чем Боровский непременно воспользуется.

На базе Зорина тоже кипела работа. Литовцы, узнав о предстоящей ярмарке, отнеслись к идее с энтузиазмом. Витас, старший группы, собрал своих людей:

– Это наш шанс показать, что мы не враги. Надо подготовить товар. Рыба у нас есть вяленая, свежая. Женщины могут испечь хлеб по нашим рецептам. Кто-то умеет плести корзины, сети. Всё это можно продать или обменять.

– А если нас там побьют? – спросил молодой парень, ещё помнивший нападение на рынке.

– Не побьют, – уверенно сказал Витас. – Там будет ополчение. И мы будем держаться вместе.

Раса, мать Мартинаса, тоже готовилась. Она искусно вязала, и за зиму накопила несколько тёплых вещей – свитеров, носков, варежек. Всё это можно было обменять на муку или крупу.

– Мама, я тоже хочу помочь, – сказал Мартинас.

– А ты будешь рядом со мной. Просто стой и молчи. Если кто спросит – отвечай, но не болтай лишнего.

Мальчик кивнул, но в его глазах светилось что-то, что заставляло мать тревожиться. Он всегда знал больше, чем говорил.

Ярмарку решили устроить на центральной площади, там, где когда-то стоял памятник Ленину, потом его сменила стела, а теперь остался лишь пустой постамент. Площадь расчистили от мусора, установили прилавки из досок и ящиков. Кое-кто притащил даже старые палатки, чтобы укрыться от солнца.

Утром в день ярмарки Алиса проснулась рано. Сердце билось тревожно – слишком многое зависело от того, как пройдёт этот день. Она оделась, проверила наган, висевший на поясе, и вышла во двор.

– Волнуешься? – спросил Ваге, уже стоявший у костра.

– Есть немного. А ты?

– Я вообще всегда спокоен, – усмехнулся он. – Но сегодня что-то не так. Воздух... пахнет грозой.

– Грозы не обещали.

– Я не про погоду.

Зорин, вышедший следом, услышал их разговор:

– Не каркай. Всё будет нормально. Марат уже с бойцами на площади, Егоров тоже подтянул людей. Если что – защитим.

– А если Боровский решит воспользоваться суматохой? – спросила Алиса.

– Не решится. Слишком мало у него людей для открытого нападения. А вот провокации – да, могут быть. Поэтому будьте внимательны.

На площадь они пришли, когда солнце уже поднялось. Народу собралось немало – несколько сотен человек. Кто-то пришёл торговать, кто-то просто поглазеть. Литовцы стояли отдельной группой, но не вызываясь, а скорее робко. Их прилавки ломились от рыбы, вязаных вещей, деревянных поделок.

Алиса увидела Мартинаса, стоявшего рядом с матерью. Мальчик смотрел на толпу с каким-то странным выражением – будто видел сквозь людей то, что было скрыто от других.

– Ты чего? – подошла она к нему.

– Там, – он показал в сторону группы мужчин, собравшихся у бывшего гастронома. – Плохие люди. Они хотят зла.

– Провокаторы?

– Не знаю. Но они злые.

Алиса насторожилась. Она подозвала Ваге, указала на группу. Тот кивнул, скользнул в толпу, чтобы понаблюдать.

Ярмарка тем временем набирала обороты. К удивлению многих, литовский товар пользовался спросом. Рыба была свежей, дешёвой, и хозяйки охотно её покупали. Вязаные вещи тоже расходились – зима хоть и кончилась, но по вечерам ещё было прохладно. Даже самодельные игрушки, которые смастерил Витас, нашли покупателей среди детей.

– Смотри, – сказала Раса, показывая Алисе, как какая-то русская женщина торгуется с литовцем за связку вяленой рыбы. – Улыбаются уже. Хороший знак.

– Да, – согласилась Алиса. – Главное, чтобы никто не испортил.

Но испортить пытались. Около полудня, когда солнце припекало особенно сильно, из той самой группы, на которую указал Мартинас, вышли несколько человек. Они направились к литовским прилавкам с явно недобрыми намерениями.

– Эй, вы! – заорал один, здоровенный детина с нашивками Боровского (бывший охранник, явно). – Чего расселись? Чужие тут!

Литовцы насторожились, но продолжали стоять. Витас вышел вперёд:

– Мы такие же, как вы. Торгуем честно.

– Честно? – заржал детина. – Да вы наши запасы жрёте, а теперь ещё и торгуете! А ну пошли отсюда!

Он схватил с прилавка связку рыбы. Литовцы возмутились, но не двинулись с места. Тогда детина размахнулся и ударил Витаса по лицу. Тот упал.

Толпа ахнула. Одни бросились врассыпную, другие, наоборот, начали собираться вокруг, выкрикивая кто за, кто против.

Марат с бойцами был тут как тут. Они окружили провокаторов, оттесняя их от прилавков.

– Спокойно! – заорал Марат. – Все стоим!

– А чего они... – начал детина, но договорить не успел – Марат двинул ему в челюсть так, что тот отлетел к стене.

– Я сказал – спокойно! – повторил Марат. – А ну, взяли этих!

Провокаторов скрутили, но толпа гудела. Кто-то кричал, что литовцев надо гнать, кто-то – что насилие ни к чему. Ситуация накалялась.

В этот момент вперёд вышел Мартинас. Он подошёл прямо к толпе, остановился и заговорил. Его тихий, но удивительно звонкий голос перекрыл шум:

– Люди, послушайте!

Толпа замерла. Все смотрели на странного мальчика с большими глазами.

– Вы зря ссоритесь, – продолжал Мартинас. – Мы не враги. Мы такие же, как вы. У нас тоже гибли отцы и матери. Мы тоже хотим мира. А те, кто вас подговаривает, – он показал на скрученных провокаторов, – они служат тому, кто хочет войны. Не слушайте их.

Наступила тишина. Потом кто-то в толпе захлопал, сначала неуверенно, потом громче. Захлопали другие. Литовцы, ободрённые, заулыбались. Раса прижала сына к себе, плача от гордости и страха.

Марат воспользовался моментом:

– Ярмарка продолжается! А этих – в кутузку, разберёмся!

Провокаторов увели. Толпа постепенно успокоилась, и торговля возобновилась. К литовским прилавкам потянулись люди – уже без опаски, с улыбками. Кто-то даже извинялся за поведение земляков.

Алиса подошла к Мартинасу:

– Ты молодец. Спас всех.

– Я не спасал, – просто ответил мальчик. – Я сказал правду. Они услышали.

– Как ты узнал, что они услышат?

– Я чувствую людей. В них много страха, но доброты больше.

Зорин, наблюдавший эту сцену со стороны, подошёл и положил руку на плечо мальчику:

– Из тебя вырастет великий человек.

Мартинас посмотрел на него своими странными глазами и улыбнулся:

– Я уже вырос. Просто ростом не вышел.

К вечеру ярмарка завершилась. Люди расходились довольные, нагруженные покупками. Литовцы собрали свои прилавки и отправились на базу, сопровождаемые ополченцами. На душе у всех было легко – первый шаг к примирению сделан.

Но в бункере Боровского царило совсем другое настроение. Шкаф докладывал:

– Провокаторов наших повязали, шеф. Люди теперь литовцев жалеют.

– Знаю, – процедил Боровский. – Этот мальчишка... откуда он взялся?

– Местный. Из беженцев. Говорят, особенный – чувствует тварей и прочее.

– Особенный, значит... – Боровский задумался. – Такие нам тоже пригодятся. Надо его достать.

– Сложно, шеф. Он под охраной.

– Значит, будем думать. Но пока – затаиться. У них иллюзия мира, а мы ударим, когда не будут ждать.

Глава 5. Дети купола

Утро после ярмарки выдалось тихим и солнечным. Весеннее солнце заливало базу, высушивая лужи и поднимая настроение людям. Но для Алисы этот день начался с неожиданного визита. Едва она успела умыться и позавтракать, как в лазарет вбежала Зарема:

– Алиса, там Вера Андреевна приехала! Говорит, срочно нужно осмотреть Мартинаса. Рабинович с ней.

– Что случилось? – встревожилась Алиса.

– Не знаю. Но они очень взволнованы.

Вера Андреевна уже была в бытовке, где жили литовцы. Рядом с ней стоял Рабинович с чемоданчиком приборов, а Раса, мать Мартинаса, испуганно прижимала сына к себе.

– Что происходит? – спросила Алиса, входя.

– Алиса, хорошо, что ты здесь, – обернулась Вера. – Мы хотим обследовать мальчика. То, что рассказал Рабинович о его способностях, может иметь огромное значение для понимания природы мутаций.

– А если это опасно? – испуганно спросила Раса.

– Ничего опасного, – успокоила Вера. – Просто осмотр, анализы, пара тестов. Это не больно.

Мартинас, глядя на мать, сказал:

– Мама, не бойся. Они хорошие. Я им нужен.

Раса вздохнула и отпустила сына. Мальчик подошёл к Вере и спокойно сел на табурет, глядя на неё своими огромными тёмными глазами.

Вера начала осмотр: проверила пульс, давление, посмотрела зрачки, прослушала сердце и лёгкие. Потом кивнула Рабиновичу. Тот подключил свои приборы – те самые, что использовал для измерения мозговой активности.

– Невероятно, – бормотал он, глядя на экран. – Альфа-ритм, бета-ритм, дельта-ритм... всё в норме, но есть дополнительные частоты. Посмотрите, Вера Андреевна.

Вера взглянула на экран, но мало что поняла – она была врачом, а не физиком.

– Что это значит, Лев Семёнович?

– Это значит, что его мозг работает не так, как у обычных людей. Он улавливает электромагнитные волны, которые мы не чувствуем. И, судя по всему, может их интерпретировать как образы или ощущения.

– То есть он видит то, чего мы не видим?

– Именно. Можно сказать, что у него развилась новая сенсорная способность. Возможно, это результат воздействия купола.

Раса, слушавшая этот разговор, вмешалась:

– Он и раньше был особенным. Врачи говорили – аутизм, замкнутость. Но после купола... после того, как мы выбрались из Литвы, он стал видеть то, что другие не видят. Предупреждал нас о тварях, чувствовал опасность.

– Это очень ценно, – сказал Рабинович. – Если мы поймём, как работает его дар, возможно, мы сможем помочь и другим детям, которые родились или изменились под куполом.

– Другим детям? – переспросила Алиса.

– Да. Я уверен, что Мартинас – не единственный. В разных местах, где купол был особенно силён, могли появиться такие же дети. Они – ключ к пониманию того, что произошло.

Вера взяла у Мартинаса кровь на анализ, сделала несколько других проб. Мальчик терпеливо всё переносил, лишь иногда поглядывая на мать с улыбкой.

– Ты молодец, – похвалила его Алиса, когда процедуры закончились.

– Я знаю, – просто ответил он. – Я нужен. Для чего-то важного.

– Для чего?

– Не знаю ещё. Но узнаю.

Раса обняла сына и увела в их уголок. Вера и Рабинович остались с Алисой.

– Что скажете? – спросила Алиса.

– Скажу, что это может быть прорывом, – ответил Рабинович. – Если такие дети способны чувствовать артефакты, они могут помочь нам в поисках. И если их много, мы можем создать сеть, которая предупредит о новых угрозах.

– А если их будут использовать военные? – спросила Вера. – Или те, кто создал купол?

– Это риск. Но мы должны защитить их.

– Значит, нужно держать это в секрете, – решила Алиса. – По крайней мере, пока не поймём, кому можно доверять.

После первичного осмотра Рабинович настоял на более глубоком исследовании. Вера Андреевна, хоть и сомневалась в целесообразности, согласилась предоставить свою лабораторию для экспериментов. Мартинаса привезли в больницу на старом УАЗике, который чудом ещё работал. Раса, мать мальчика, всю дорогу держала его за руку и тревожно поглядывала на Алису, сидевшую напротив.

– Не волнуйтесь, – успокаивала Алиса. – Профессор Рабинович – гениальный учёный. Он не сделает ничего плохого.

– Я знаю, – тихо ответила Раса. – Просто... он у меня один. Если с ним что-то случится...

– Не случится. Мы все здесь, чтобы защищать его.

Мартинас, сидевший рядом с матерью, вдруг поднял голову и посмотрел на Алису:

– Там, куда мы едем, есть ещё такие, как я.

– Какие? – удивилась Алиса.

– Которые чувствуют. Но они слабее. Они боятся.

Алиса переглянулась с Верой Андреевной. Та нахмурилась:

– В больнице есть дети, пострадавшие от купола. Некоторые из них действительно проявляют странные способности. Но мы не придавали этому значения – думали, последствия стресса.

– А если нет? – спросила Алиса. – Если это действительно новый дар?

В больнице их уже ждали. В подвале, где размещался госпиталь, было тепло и сухо – генераторы работали исправно. Вера провела их в небольшую комнату, которую оборудовала под исследовательский кабинет. Рабинович уже колдовал над приборами, разложив их на столе.

– Заходите, заходите, – засуетился он, увидев вошедших. – Мартинас, садись вот сюда. Это не больно, просто посиди спокойно.

Мальчик послушно сел на стул. Рабинович прикрепил к его голове несколько датчиков, подключил к монитору. На экране побежали волны.

– Смотрите, – сказал он, показывая на график. – Когда он в покое, активность мозга обычная. Но сейчас я попрошу его... Мартинас, ты чувствуешь что-нибудь необычное в этой комнате?

Мальчик закрыл глаза, сосредоточился. Через несколько секунд волны на экране резко изменились – появились новые пики, которых не было раньше.

– Вот! – воскликнул Рабинович. – Он перешёл в другое состояние. В этот момент его мозг работает на частотах, недоступных обычным людям. Что ты чувствуешь, Мартинас?

– Там, – мальчик показал в сторону стены, за которой была соседняя палата, – там девочка. Она боится. Она тоже чувствует, но не понимает.

Вера Андреевна быстро вышла и через минуту вернулась с медсестрой и маленькой девочкой лет пяти. Девочка была бледна, с большими испуганными глазами. Увидев Мартинаса, она вдруг перестала бояться и улыбнулась.

– Она знает его? – удивилась Вера.

– Нет, – ответил Мартинас. – Но она чувствует, что я такой же. Как она.

– Невероятно, – прошептал Рабинович. – Они образуют связь на каком-то подсознательном уровне. Это телепатия?

– Или что-то ещё, – задумчиво сказала Вера. – Надо проверить других детей.

Следующие несколько часов превратились в марафон исследований. Вера привела ещё троих детей – все они в разной степени проявляли необычные способности. Кто-то чувствовал приближение людей, кто-то видел странные сны, кто-то просто говорил вещи, которых не мог знать. Рабинович записывал показания, брал анализы, составлял графики.

К вечеру он подвёл итог:

– У всех этих детей наблюдается одна и та же аномалия – их мозг генерирует и принимает электромагнитные волны на частоте, близкой к частоте купола. Они не мутировали в том смысле, в каком мутировали твари, но они изменились. Они стали... новыми людьми.

– Что это значит? – спросила Алиса.

– Это значит, что человечество получило шанс на эволюционный скачок. Если мы сможем понять и развить эти способности, мы сможем предсказывать опасности, находить артефакты, возможно, даже управлять энергией купола.

– Или стать новым видом оружия, – мрачно заметила Вера.

– Или стать новым видом оружия, – согласился Рабинович. – Поэтому мы должны держать это в секрете. По крайней мере, пока не поймём, кому можно доверять.

Раса, всё это время сидевшая в углу, вдруг подала голос:

– Мой сын – не оружие. Он – человек. И я не позволю использовать его как подопытного кролика.

– Никто и не собирается, – мягко ответил Рабинович. – Мы хотим помочь ему и таким, как он. Но для этого нам нужно знать правду.

– Правду? – Раса горько усмехнулась. – Вы сами не знаете всей правды. А он знает. Он всегда знает больше, чем говорит.

Все посмотрели на Мартинаса. Мальчик сидел, опустив голову, и молчал.

– Мартинас, – тихо позвала Алиса, – что ты знаешь?

Он поднял глаза – странные, не по-детски глубокие.

– Там, – он показал в сторону севера, – есть место, где таких, как я, много. Очень много.

Они зовут. Но я не хочу туда.

– Почему?

– Там плохие люди. Они хотят использовать нас. Я не пойду.

Рабинович и Вера переглянулись.

– Где это место? – спросил профессор.

– Не знаю. Далеко. За морем.

– В Литве? В Латвии?

– Может быть. Я не знаю названий.

Алиса присела перед мальчиком на корточки:

– Ты не бойся. Мы никому тебя не отдадим. Ты с нами.

Мартинас посмотрел на неё и улыбнулся той самой странной улыбкой, от которой у Алисы сжималось сердце.

– Я знаю. Ты добрая. Поэтому я здесь.

Вечером, когда они вернулись на базу, Алиса долго сидела у костра, глядя на огонь. Рядом пристроился Ваге.

– О чём задумалась? – спросил он.

– О детях. О Мартинасе. О том, что нас ждёт.

– Что бы ни ждало, мы справимся. Мы же русские, армяне, татары, литовцы – все вместе.

– Все вместе, – повторила Алиса. – Это главное.

Ночь на базе выдалась беспокойной. Алиса долго не могла уснуть – мысли о Мартинасе, о других детях, о странных способностях, которые открыл в них купол, не давали покоя. Она ворочалась на своей раскладушке, прислушиваясь к звукам ночи: где-то лаяли собаки, ветер шумел в кронах деревьев, изредка доносились голоса дежурных.

Под утро она задремала, но уже через час её разбудил Ваге.

– Алиса, вставай. Там Рабинович приехал. Говорит, срочное совещание.

Она быстро умылась, накинула куртку и вышла во двор. У штабной бытовки уже собрались Зорин, Марат, Петрович, Рабинович и Ковальский. Профессор выглядел взволнованным – глаза горели, руки дрожали, но не от страха, а от возбуждения.

– Что случилось, Лев Семёнович? – спросил Зорин, пропуская всех внутрь.

– Я проанализировал все данные, – начал Рабинович, разворачивая на столе графики и схемы. – И пришёл к выводу, что мы стоим на пороге величайшего открытия.

– Какого? – нахмурился Марат.

– Дети, подобные Мартинасу – это не случайность. Это закономерный результат воздействия купола на организм человека. Те, кто выжил внутри, особенно дети, чей мозг был более пластичным, адаптировались к новым условиям. Они научились использовать энергию поля.

– Использовать? – переспросил Ковальский. – Как?

– Как антенны. Они улавливают электромагнитные колебания, преобразуют их в образы и ощущения. Мартинас чувствует артефакты и тварей не потому, что у него есть какой-то особый дар, а потому что его мозг работает как приёмник, настроенный на частоту купола.

– То есть любой ребёнок, долго находившийся под куполом, может обладать такими способностями? – спросила Алиса.

– Не любой, но многие. Особенно те, кто родился незадолго до катастрофы или во время неё. Их мозг только формировался и впитал в себя эту частоту как родную.

Зорин, молча слушавший, наконец подал голос:

– И что это значит для нас?

– Это значит, что у нас есть уникальный ресурс. Дети-сенсоры могут стать нашими глазами и ушами в поисках артефактов. Они могут предупреждать о приближении тварей. Они могут помочь нам понять, как работает купол и как предотвратить его повторное включение.

– Или они могут стать оружием в руках тех, кто захочет использовать купол снова, – мрачно заметил Петрович.

– И это тоже, – согласился Рабинович. – Поэтому мы должны защитить их. Создать для них безопасное место, где они смогут развивать свои способности под присмотром. И держать эту информацию в секрете от посторонних.

– А Мартинас? – спросила Алиса. – Он говорил, что есть место, где таких, как он, много. Что это может быть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.